

НОВИЗНА, ВОЗБУЖДЕНИЕ И РАЗВИТИЕ

Часть 1

ВВЕДЕНИЕ

Глава 1

Структура развития

1. Граница контакта

Опыт возникает на границе между организмом и его окружением, главным образом — на поверхности кожи и других органов, отвечающих за сенсорную и моторную реакции. Опыт представляет собой функцию этой границы, и психологически реальны «целостные» конфигурации ее функционирования: достигаемые цели, выполняемые действия. Целостность опыта не включает в себя «все», но является определенной единой структурой; и с психологической точки зрения все остальное (в том числе и само представление об организме и окружающей среде) — это абстракция, предположение или возможность, возникающая в данном опыте, как намек на некий другой опыт. Мы говорим о том, что организм контактирует с окружающей средой, но самой простой и первой реальностью является именно контакт. Вы очень быстро почувствуете это, если, вместо того чтобы просто смотреть на объекты перед собой, осознаете, что эти объекты находятся в поле вашего зрения. А если вы почувствуете, как это поле, так сказать, совпадает с вашими глазами, тогда вы поймете, что в действительности видите свои глаза. Затем обратите внимание, как объекты в этом овальном поле зрения начинают обретать эстетические качества, связанные с пространством и цветом. То же самое вы можете ощутить и в связи со звуками «снаружи»: корень их реальности — на границе контакта, и на этой границе они воспринимаются как единые структуры. Это касается и дви-

жений: вы осознаёте полет брошенного мяча, расстояние между вами сокращается, и вашему моторному импульсу приходится, так сказать, вырваться на поверхность, чтобы встретить его. Цель всех практических экспериментов и теоретических обсуждений, содержащихся в этой книге, состоит в том, чтобы проанализировать функцию контактирования и повысить осознание реальности.

Мы используем слово «контакт» — «соприкосновение» с объектами, — подразумевая и сенсорное осознание, и моторное поведение. Предположительно, существуют примитивные организмы, у которых осознание и моторная реакция — это одно и то же действие; и в организме более высокого уровня при наличии хорошего контакта всегда можно продемонстрировать сотрудничество ощущения и движения (а также чувства).

2. Взаимодействие организма и среды

В любых биологических, психологических или социологических исследованиях мы должны начинать со взаимодействия организма и среды. Нет смысла говорить, например, о животном, которое дышит, не принимая во внимание воздух и кислород, или говорить о питании, не упоминая пищу, о зрении — не учитывая свет, о движении — без гравитации и поддерживающей почвы, о речи — не принимая во внимание говорящего. Ни одна функция животного не может быть осуществлена без внешних объектов и окружающей среды; это относится как к вегетативным функциям, таким как питание и сексуальность, так и к функциям восприятия, моторике, чувствам и мышлению. Понятие гнева подразумевает фрустрирующий объект; мышления — наличие затруднений в практике. Назовем это взаимодействие организма и внешней среды, охватывающее все функции, «полем организм/окружающая среда» (организм/среда), и уясним себе, что вне зависимости от того, какие теории мы развиваем относительно импульсов, влечений и т.д., мы всегда говорим об этом поле взаимодействия, а не

об изолированном организме. Когда организм способен передвигаться в обширном пространстве и имеет сложную внутреннюю структуру (как, например, животное), создается впечатление, что можно говорить о его свойствах или частях (например, о коже и ее составе), как о чем-то обособленном; но это всего лишь иллюзия, возникающая оттого, что перемещение в пространстве или какие-то части тела привлекают к себе внимание на относительно стабильном и простом фоне.

Человеческое поле организм/среда, конечно же, не только физическое, но и социальное. Поэтому, когда мы изучаем человека (это касается человеческой физиологии, психологии и психотерапии), мы должны говорить о поле, в котором взаимодействуют, по меньшей мере, социально-культурные, биологические и физические факторы. Представленный в этой книге подход является «целостным» в том смысле, что мы стараемся детально рассматривать каждую проблему через призму социально-биологически-физического поля. С этой точки зрения, исторические и культурные факторы, к примеру, не могут рассматриваться в качестве условий, усложняющих или модифицирующих более простую биофизическую ситуацию; они неотъемлемы от проблемы в том виде, в котором она предстает перед нами.

3. Что является предметом психологии?

Если вдуматься, в двух предыдущих разделах содержатся очевидные вещи, и нет ничего экстраординарного. В них утверждается, (1) что опыт — это, в конечном счете, контакт, происходящий на границе организма и окружающей его среды, и (2) что любая человеческая функция — это социально-культурное, биологическое и физическое взаимодействие в поле организм/среда. Теперь давайте объединим эти два утверждения.

Все биологические и социальные науки имеют дело со взаимодействиями в поле организм/среда, но психология изучает функционирование самой контактной грани-

цы в этом поле. Это необычный предмет, и нетрудно понять, почему психологам всегда было трудно обрисовать предмет своих исследований. Когда мы говорим «граница», мы думаем о «границе между одним и другим»; но контактная граница, на которой возникает опыт, не отделяет организм от окружающей среды; она, скорее ограничивает организм, заключает его в себя и защищает, и в то же самое время соприкасается с окружающей средой. То есть (хотя это может показаться странным) контактная граница, например, чувствительная кожа, — это не столько часть «организма», сколько орган особой связи организма и окружающей среды. Вскоре мы постараемся продемонстрировать, что эта особая связь представляет собой главным образом рост. Человек ощущает не состояние органа (иначе это была бы боль), а взаимодействие в поле. Контакт — это осознание поля или моторная реакция в нем. Именно по данной причине этот контакт — функционирование границы организма — претендует на то, чтобы представлять собой сообщение о реальности, то есть о чем-то большем, чем побуждения или пассивность самого организма. Давайте рассмотрим контактирование, осознание и моторную разрядку в самом широком смысле: сюда входят аппетит и отвращение, приближение и избегание, ощущение, чувство, манипулирование, оценка, общение, борьба и так далее, — все живые отношения, которые возникают на границе при взаимодействии организма и внешней среды. Психология рассматривает любые формы контакта. (То, что называют «сознанием», скорее всего, является особой формой осознания, контактной функцией, начинающей действовать, когда возникают трудности в приспособлении.)

4. Контакт и новизна

Изучая животное, свободно перемещающееся в обширной и разнообразной внешней среде, мы увидим, что у него должен быть очень широкий диапазон контактных функций, поскольку организм живет в сре-

де благодаря тому, что поддерживает свою отдельность, свои отличия, и, что еще важнее, благодаря тому, что вбирает в себя окружающую среду. Именно на границе отвергаются опасности, преодолеваются препятствия, а подходящее для ассимиляции выбирается и присваивается. Ассимилируемые явления всегда представляют собой нечто новое; организм сохраняется, потому что усваивает новое, развивается и изменяется. Например, пища, как говорил Аристотель, — это то, что из «непохожего» («unlike») становится «похожим» («like»); и организм, в свою очередь, тоже меняется в процессе ассимиляции. Контакт — это, в первую очередь, осознание новизны, которую можно ассимилировать, и движение к ней, а также отвержение новизны, которую ассимилировать нельзя. То, что постоянно остается неизменным и не вызывает никакой реакции, не является объектом контакта. (Так, например, с самими органами, пока они здоровы, контакта нет в силу их консервативности.)

5. Определение психологии и патологической психологии

Из всего вышесказанного мы должны сделать вывод, что любой контакт является творческим и динамичным. Он не может быть рутинным, стереотипным или просто консервативным, потому что ему приходится иметь дело с новыми явлениями, ведь только новизна является питательной средой. (Но внутренняя неконтактная физиология организма консервативна, как и сами органы чувств.) С другой стороны, контакт не может пассивно принять или просто приспособиться к новизне, поскольку новое должно быть ассимилировано. Любой контакт — это творческое приспособление организма и среды. Осознанная реакция в поле (как ориентация, так и манипуляция) является фактором роста в этом поле. Рост — это функция контактной границы в поле организм/среда; именно благодаря творческому приспособлению, изменению и росту сложные органические це-

лостности живут в поле, то есть в более обширной целостности.

Следовательно, наше определение будет таким: психология — это наука о творческом приспособлении. Предмет психологии — это постоянный переход от новизны к обыденности, происходящий в результате ассимиляции и роста.

Соответственно, патологическая психология — это наука, изучающая прерывания, сдерживания и другие нарушения процесса творческого приспособления. Например, мы должны рассматривать тревогу (постоянно присутствующую в неврозах) как результат прерывания возбуждения творческого развития, сопровождающийся удушьем; а различные невротические «характеры» — как стереотипные паттерны, ограничивающие гибкий процесс творческого подхода к новым явлениям. Поскольку контакт с реальностью появляется в ходе творческого приспособления организма и среды, а у невротика этот процесс блокирован, он «теряет контакт» со своим миром; вместо мира появляются галлюцинации, он все больше заполняется проекциями, вычеркивается или становится нереальным какими-либо другими способами.

Творчество и приспособление — это две полярности, они необходимы друг другу. Спонтанность — это схватывание интересных и питательных элементов окружающей среды, возбуждение и развитие с их помощью. (К несчастью, в психотерапии «приспособление», «принцип реальности» — это, как правило, проглатывание стереотипа.)

6. Фигура контакта на фоне поля организм/среда

Давайте вернемся к идее, с которой мы начали: воспринимаемые в опыте единицы являются едиными структурами. Контакт (работа, результатом которой является ассимиляция и рост) — это формирование фигуры интереса на фоне (или в контексте) поля организм/среда. Осознаваемая фигура (гештальт) — это ясное, жи-

вое восприятие, образ или понимание (инсайт); в моторном поведении — это грациозные энергичные движения, обладающие собственным ритмом, слаженностью и так далее. В каждом случае потребность и энергия организма, а также возможности, предоставляемые внешним миром, — все вместе объединяются в фигуру.

Формирование фигуры/фона — это динамичный процесс, в ходе которого потребности и ресурсы поля постепенно передают свою энергию интересу, яркости и силе доминирующей фигуры. Следовательно, бессмысленно пытаться рассматривать любое психологическое поведение в отрыве от социокультурного, биологического и физического контекста. В то же время фигура — это специфически психологическое явление: она обладает особыми качествами яркости, ясности, целостности, грации, живости, свободы, очарования и так далее; какие именно качества мы воспринимаем в первую очередь, зависит от того, какой контекст (фон) мы считаем первичным — перцептивный, чувственный или двигательный. Тот факт, что гештальт обладает специфическими психологическими качествами, очень важен для психотерапии, поскольку он обеспечивает нас автономным критерием глубины и реальности переживания. Теории о «нормальном поведении» или «приспособлении к реальности» можно использовать только в исследовательских целях. Когда фигура смутная, расплывчатая, когда она лишена грации и ей не хватает энергии («слабый гештальт»), мы можем с уверенностью сказать, что контакт неполный, что-то в окружающей среде воспринимается лишь в общих чертах, не выражена какая-то жизненно важная органическая потребность; человек не «полностью здесь», то есть его поле не может передать свою энергию и ресурсы для завершения фигуры.

7. Терапия как гештальт-анализ

Таким образом, терапия представляет собой анализ внутренней структуры реального переживания вне зави-

симости от степени контакта. Мы смотрим не столько на то, что воспринимается, вспоминается, делается, говорится и так далее, сколько на то, как вспоминается то, что вспоминается, и как говорится то, что говорится: с каким выражением лица, каким тоном, каким голосом, как синтаксически, в какой позе, с какими эмоциями, оговорками, с уважением или неуважением к другому человеку и так далее. Работая с согласованностью и разлаженностью этой структуры восприятия здесь и сейчас, можно изменить динамические взаимоотношения фигуры и фона, усилить контакт, повысить осознание и насытить поведение энергией. Важнее всего то, что достижение сильного гештальта само по себе целительно, потому что фигура контакта является творческой интеграцией опыта.

С начала существования психоанализа присущее гештальту «ага-переживание» занимало особое место. Но всегда оставалось загадкой, почему «простое» осознание (например, воспоминание) должно излечивать невроз. Однако следует отметить, что осознание — это не размышление о проблеме, оно само по себе является творческой интеграцией проблемы. Можно понять и то, почему обычно «осознание» не помогает: ведь, как правило, осознаётся вовсе не гештальт (структурированное содержание), а просто содержание, вербализованное или всплывшее в памяти. Оно не черпает энергию из существующей органической потребности или из окружающей среды.

8. Разрушение как часть формирования фигуры/фона

Процесс творческого приспособления к новому материалу и новым условиям всегда включает в себя фазу разрушения и агрессии, поскольку нужно, сломав ограждения, приблизиться к старым структурам и изменить их, сделав «непохожее» «похожим». При возникновении новой конфигурации и старая привычка контактирующего организма, и прежнее состояние контактируемого объекта уничтожаются в интересах нового контакта. Разру-

шение статус кво может вызвать страх, беспокойство и тревогу, и чем более человек невротичен и негибок, тем сильнее будут эти чувства; но процесс проходит под защитой нового открытия, полученного экспериментально. Как всегда, единственное решение проблемы человека — это нововведение, совершенное на основании опыта. Мы «терпим» тревогу не благодаря спартанской стойкости (хотя мужество — это прекрасное и необходимое качество), а потому, что беспокоящая энергия перетекает в новую фигуру.

Без повторяющихся агрессии и разрушения любое достигнутое удовлетворение вскоре становится делом прошлого и перестает ощущаться. То, что обычно называется «безопасностью», — это цепляние за то, что лишено чувства, отказ от риска контакта с неизвестным (без чего не бывает увлечения и настоящего удовлетворения). Соответственно, такая «безопасность» притупляет чувства и ограничивает моторную активность. Именно в результате страха перед агрессией, разрушением и потерями возникают неосознаваемые агрессия и разрушительные тенденции, направленные как вовнутрь, так и наружу. Лучше определить «безопасность» как уверенность в твердой поддержке, исходящей из прошлого опыта, из ассимиляции и роста, не оставивших незавершенных ситуаций; в этом случае все внимание перетекает из фона (того, чем мы сейчас являемся) в фигуру — то, чем мы становимся. Состояние безопасности лишено интереса, оно незаметно; а находящийся в безопасности человек никогда не знает о ней, но всегда чувствует, что рискует ею, и будет адекватен.

9. Возбуждение — это доказательство реальности

Контакт, образование фигуры/фона — это нарастающее возбуждение, осязаемое и захватывающее; и наоборот, то, что не затрагивает, не является психологически реальным. Различного рода чувства (например, удо-

вольствие или другие эмоции) указывают на органическую вовлеченность в реальную ситуацию, и эта вовлеченность является частью последней. Не существует безразличной, нейтральной реальности. Охватившая современный мир эпидемия научной убежденности в том, что большая часть реальности или даже вся реальность нейтральна, — это признак подавления спонтанного удовольствия, игривости, гнева, негодования и страха (это подавление вызвано теми же социальными и сексуальными условиями, которые создают академическую личность).

Эмоции — это тенденции объединить определенные физиологические напряжения с желательными или нежелательными внешними ситуациями. Поэтому они дают нам необходимое (хотя и неадекватное) знание об объектах, которые могут удовлетворить наши потребности точно так же, как ощущения дают нам необходимое (адекватное) знание о наших органах чувств и о воспринимаемых ими объектах. В целом, интерес и возбуждение, которые вызывает формирование фигуры/фона — это прямое доказательство существования поля организм/среда. Немного поразмыслив, нетрудно понять, что это действительно должно быть так: иначе, как животные, имеющие внутреннюю мотивацию и прилагающие усилия в соответствии с ней, могли бы добиваться успеха, — ведь успех приходит только вследствие соприкосновения с реальностью.

10. Контакт — это «нахождение и создание» приходящего решения

Существующая проблема вызывает беспокойство, и возбуждение возрастает по мере приближения пока еще неизвестного решения. Ассимиляция нового происходит в тот момент, когда настоящее превращается в будущее. Результатом никогда не бывает простая перегруппировка незаконченных ситуаций организма; появляется новая конфигурация, включающая в себя новый материал из окружающей среды. По этой причине она отличается от

всего, что можно было бы вспомнить (или предугадать), так же как работа художника становится чем-то непредсказуемо новым для него, когда он начинает накладывать краски на холст.

В психотерапии мы ищем в нынешней ситуации следы неоконченных прошлых ситуаций и, экспериментируя с новыми взглядами и новыми материалами, почерпнутыми из реального повседневного опыта, стремимся к более полной интеграции. Пациент не просто перетасовывает колоду воспоминаний, а «находит и создает» себя. (Фрейд прекрасно понимал важность новых условий в настоящем, когда говорил о неизбежном переносе детской фиксации на личность аналитика; но терапевтический смысл этой процедуры состоит вовсе не в том, чтобы повторить ту же старую историю, а в том, чтобы она была заново проработана как новое приключение: аналитик — это совсем другой родитель. И, к сожалению, абсолютно ясно, что определенные напряжения и блоки не исчезают, если во внешнем мире не происходит реальных изменений, предоставляющих новые возможности. Если бы социальные устои и нравы изменились, то внезапно исчезли бы и многие не поддающиеся лечению симптомы.)

11. Самость (The Self) и ее идентификации

Будем называть самостью систему контактов в каждый конкретный момент. В таком случае самость оказывается очень гибкой и подвижной, поскольку она меняется в соответствии с доминирующей органической потребностью и преобладающими внешними раздражителями. Это система реакций; во сне она уменьшается, поскольку в это время потребность в реакции меньше. Самость — это действующая контактная граница; ее активность формирует фигуры и фоны.

Необходимо сравнить нашу концепцию самости с бесполезным «сознанием» ортодоксальных психоаналитиков. Функция этого «сознания» — смотреть на про-

исходящее, докладывать об этом аналитику и не вмешиваться. А ревизионистские парафрейдистские школы, например, райхианцы или Вашингтонская Школа, склонны принижать самость до уровня системы организма или внутриличностного сообщества: если говорить прямо, то последователи этих школ являются вовсе не психологами, а биологами, социологами и так далее. Но самость — это объединитель, это синтетическое единство, как сказал Кант. Это художник, рисующий жизнь. Она представляет собой всего лишь маленький фактор в общем взаимодействии организма и среды, но она играет важнейшую роль, находя и создавая смыслы, благодаря которым мы растем.

Описать психическое здоровье и заболевание очень просто. Все дело в отождествлениях и отчуждениях самости. Если человек отождествляется со своей формирующейся самостью, если он не сдерживает свое творческое возбуждение и стремится к предстоящему решению; и, соответственно, если он отчуждает то, что органически ему не подходит и потому не представляет собой жизненно важного интереса, а лишь нарушает фигуру/фон, — значит, он психологически здоров, поскольку применяет все свои силы и делает все возможное в сложных жизненных ситуациях. И наоборот, если он отчужден от себя самого и из-за ложных отождествлений пытается подавить свою спонтанность, тогда он делает свою жизнь тусклой, беспокойной и болезненной. Систему отождествлений и отчуждений мы будем называть «эго».

С этой точки зрения наш метод терапии выглядит следующим образом: мы тренируем эго, различные отождествления и отчуждения, экспериментируя с целенаправленным осознанием различных функций до тех пор, пока спонтанно не появится ощущение, что «это я думаю, воспринимаю, чувствую и делаю это». Дальше пациент уже может действовать сам.

Глава 2

РАЗЛИЧИЯ ВО ВЗГЛЯДАХ И РАЗЛИЧИЯ В ТЕРАПИИ

1. Гештальттерапия и психоанализ

Психотерапия, о которой рассказывалось в предыдущих главах, делает ударение на:

- концентрации на структуре актуальной ситуации;
- сохранении целостности реальности, благодаря нахождению внутренних взаимосвязей социально-культурных, биологических и физических факторов;
- экспериментировании;
- содействии творческой способности пациента к реинтеграции отчужденных фрагментов опыта.

Вероятно, читателю полезно будет знать, что каждый из этих элементов присутствует в истории психоанализа; и, вообще говоря, синтез этих элементов — общая тенденция. Когда Фрейд работал с переносом подавленных чувств на аналитика, он работал с актуальной ситуацией; и те, кто говорит об «интерперсональном» подходе, анализируют в более полном и систематическом виде именно актуальную сессию. Сейчас большинство аналитиков применяет «характероанализ», впервые систематически разработанный Райхом. Этот метод с помощью анализа разблокирует структуру наблюдаемого поведения. Что же касается структуры мысли или образа, то именно Фрейд научил нас этому в своей книге «Толкование сновидений», поскольку каждое символическое толкование концентрируется именно на структуре содержания. Хорошие врачи не только на словах обращают внимание на психосоматическое единство и на единство общества и отдельной личности. И, опять-таки, различные экспериментальные методы, от примитивных «отыгрывания сцены» и «активного метода» Ференци до современных «вегетотерапии» и «психодра-

мы», использовались не только для катарсической разрядки напряжения, но и для переобучения. И, наконец, Юнг, Ранк, прогрессивные деятели образования, игровые терапевты и многие другие считали, что именно творческое самовыражение ведет к реинтеграции. Ранк особо указывал на то, что творческое действие — это и есть психологическое здоровье.

Мы добавляем к этому немного: мы настаиваем на интеграции нормальной и патологической психологии и на переоценке того, что считается нормальным психологическим функционированием. Можно сказать и драматичнее: с самого начала Фрейд указывал на невротические элементы повседневной жизни и вместе с другими последовательно разоблачал иррациональную основу многих социальных устоев; теперь мы завершаем круг и осмеливаемся утверждать, что опыт психотерапии и реинтеграция невротических структур часто дают лучшую информацию о реальности, чем невроз нормальности.

В целом, как мы сказали, тенденцией психотерапии является концентрация на структуре актуальной ситуации. С другой стороны, психотерапия (и история психотерапии) расходится с нами во взглядах на актуальную ситуацию. И чем больше терапия концентрируется на том, что происходит «здесь и сейчас», тем более неудовлетворительными кажутся обычные научные, политические и личные представления о том, что такое «реальность» (перцептивная, социальная или моральная). Представьте себе, что врач, цель которого — «приспособить пациента к реальности», по мере продвижения лечения начинает замечать, что «реальность» стала совсем не похожей на то, какой она виделась ему раньше с общепринятой точки зрения; в таком случае ему приходится пересматривать свои цели и методы.

Как же именно он их пересмотрит? Должен ли он установить новую норму человеческой природы и попытаться приспособить своих пациентов к ней? Именно так и поступали некоторые терапевты. В этой книге мы

пытаемся сделать нечто более скромное: мы предполагаем, что развитие актуального опыта дает свои собственные критерии. То есть мы рассматриваем динамическую структуру опыта не как ключ к некоему неизвестному «бессознательному» или к симптому, а как нечто, ценное само по себе. Мы занимаемся психологией, не делая предварительных предположений о нормальном или ненормальном, и в этом случае психотерапия из метода исправления превращается в метод роста.

2. Гештальттерапия и гештальтпсихология

С другой стороны, давайте рассмотрим наше отношение к психологии нормы. Мы работаем с основными открытиями гештальтпсихологии, среди которых соотношение фигуры и фона, важность интерпретации целостности или расщепленности фигуры в рамках контекста актуальной ситуации, структурированное целое, которое не является всеобъемлющим, но не является и элементарной частицей; активная организующая сила целостностей и естественная тенденция к простоте формы; тенденция незавершенных ситуаций завершаться. Что же мы добавляем к этому?

Рассмотрим, например, целостный подход, подразумевающий единство социально-культурного, биологического и физического поля в каждом конкретном опыте. Это является основным тезисом гештальтпсихологии: следует с уважением относиться к явлениям, представляющим собой единое целое; аналитически разделить их на фрагменты можно лишь ценой уничтожения того, что аналитик намеревался изучить. Применив опыт в лабораторных ситуациях, в которых исследуются восприятие и обучение (метод обычных психологов), можно обнаружить много интересного и продемонстрировать неадекватность методов ассоциаций, психологии рефлексов и так далее. Но такое применение данного тезиса не позволяет отвергнуть обычные научные представления, поскольку лабораторная ситуация сама по себе создает ограниче-

ния и не позволяет мысли выходить за определенную черту. Эта ситуация полностью определяет все, что появляется, а все, что появляется из ограничений, как раз и придает большинству гештальт-теорий особый формальный и статичный привкус. Мало что говорится о динамических взаимоотношениях фигуры и фона и о том, как фигура быстро трансформируется в фон для появления новой фигуры, пока не будет достигнута высшая точка контакта, пока не наступит удовлетворение, и жизненная ситуация действительно не будет завершена.

Но как можно сказать что-нибудь еще об этих вещах? Ведь контролируемая лабораторная ситуация на самом деле не является жизненной ситуацией, требующей немедленного разрешения. На самом деле живо заинтересован лишь экспериментатор, а его поведение не является темой исследований. Более того, стремясь к объективности (что похвально), иногда даже проявляя комическую приверженность к протестантской чистоте, гештальтисты старались избежать любых контактов с тем, что вызывает сильные эмоции и интерес; они анализировали решение именно тех человеческих проблем, которые не являются жизненно важными и неотложными. Часто создается впечатление, что они хотят сказать, будто в целостном поле уместно все, кроме факторов, вызывающих человеческий интерес; эти факторы «субъективны» и неуместны! Однако, с другой стороны, лишь то, что вызывает интерес, создает крепкую структуру. (Но когда проводятся эксперименты над животными, факторы, вызывающие интерес, оказываются вполне уместными, ведь обезьяны и куры — далеко не такие послушные подопытные субъекты, как люди.)

В результате, конечно же, гештальтпсихология оказалась изолированной от продолжающегося развития психологии, психоанализа и его производных, поскольку эти направления не смогли избежать насущных требований — терапии, педагогики, политики, криминологии и тому подобного.

Конец ознакомительного фрагмента.

Приобрести книгу можно

в интернет-магазине

«Электронный универс»

e-Univers.ru